

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Копенгаген, 1902 год	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Копенгаген, 1902–1903 годы	201
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Копенгаген, 1905–1906 годы	259
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Фредериксхавн, 1906–1909 годы	299
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Берлин, 1910–1916 годы	329
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. Копенгаген, 1916–1926 годы	399
Послесловие	450

*Нет более краткого определения китайца,
чем то, что он – полная
противоположность европейца.*

«КИТАЙ В ТИВОЛИ».
ВЫСТАВОЧНЫЙ КАТАЛОГ 1902 ГОДА

ПРОЛОГ

Человек идет пешком с самого края света. Он шел всю жизнь, чтобы попасть домой. Теперь осталось лишь пересечь мост, и он дома. Другой человек идет пешком с другого края света. Он тоже шел всю жизнь, чтобы попасть домой. Осталось лишь пересечь тот же мост, и он дома. Но мост такой узкий, что на нем хватит места только для одного. Оба одновременно ступают на мост и встречаются ровно посередине.

История кончается тем, как оба с достоинством тонут.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Копенгаген,
1902 год

Сань сует контракт за пазуху и поднимает голову. От движения на лбу выступает пот, а во рту скапливается слюна. Он не страдал от морской болезни, но теперь как будто все те мучения, которым он был свидетелем во время плавания, комом встают в горле. Его выворачивает за борт. Это происходит беззвучно и незаметно: он просто наклоняется и открывает рот. На одно обманчивое мгновение он чувствует облегчение.

Туман рассеялся, и с рассветом нечеткие очертания низкого побережья показались сначала по левому борту «Маньчжурии», потом по правому. Сань не отпускает фальшборт. Тусклое, бледное солнце в синем небе освещает его спину и косичку. Неровная береговая линия прямо по курсу вырастает из моря еще на вершок. Сань поеживается, не в состоянии отогнать мысли о том времени, когда мальчишкой несчетное множество раз сидел на складской крыше из стружки и любовался кораблями на верфи Кантона и сверкающими морскими волнами. Бывали дни, когда он мог бы поклясться, что видит, как земля изгибается на горизонте; в такие дни его охватывала тяга к путешествиям — просто потому, что это было возможно.

Пока Сань стоит на палубе и смотрит, как вырастает впереди силуэт города, небо быстро сереет и начинается мелкий дождь. Капли покалывают щеки и губы, но он не двигается, пытаясь решить, какой из пяти оттенков черного мог бы лучше всего передать плоскую кучку городских строений. «Густо-черные и средне-черные мазки», — думает он. Тут Сань замечает, что рядом с ним стоит Ци. Мальчик, измученный, но здоровый, выбрался из гамака в трюме, провонявшем смолой, потом, болезнью и солью. Ребенок дрожит на прохладном утреннем воздухе.

- Ты ушел, — говорит Ци.
- Но ты спал.
- Нет, я не спал.

Сань коротко косится на мальчика, а потом переводит взгляд по направлению движения судна.

— Это там? — спрашивает Ци.

Сань хмыкает, пытаясь выглядеть равнодушным, но внутри у него все переворачивается. Тошнота возвращается. Единственное, за что он цепляется, это слова на бумаге, которую он подписал в конторе в Кантоне, — загадочные священные письма.

Его должны привезти в «страну г-на Мадсена».

Страну, которая находится «в двух днях пути от Лондона».

Сань размыкает губы и говорит:

— Я встретил человека, который сказал, что я отправлюсь в дальнее путешествие.

— Он оказался прав, — отвечает Ци и улыбается.

— Думаешь? — спрашивает Сань.

Он вспоминает, какой огромной и желтой, словно в стихах придворных поэтов, была луна, когда двенадцать китайцев из Кантона еще до рассвета переправили его на гребной лодке к поджидавшему судну через портовый лабиринт барж, яликов и барок. Он вспоминает, как знакомый ему город уменьшался на глазах, как Жемчужная река расширялась в дельте, как море раскрывалось перед форштевнем подобно серебряному вееру.

— Ты добр ко мне, — говорит Ци.

Сань делает глубокий вдох.

— У моего отца нет шелковой фабрики, — признается он. — И я не художник.

Ци смотрит на него. Сань косится в ответ, видит короткие черные волосы, топорщащиеся на макушке, маленькую раковину уха, большие темные глаза на слишком худом лице. Он не может понять, удивлен ли мальчик. Чувствует ли себя обманутым. Семья Ци умерла во время эпидемии бубонной чумы. По крайней мере, это было официальной причиной того, что мальчик оказался на борту. Саню все равно, правдива история мальчика или вымышлена. Ему хочется положить ладонь на коротко стриженный затылок.

— Кто ты тогда? — спрашивает Ци.

— У нашей семьи была бойня. Но я не хотел быть мясником.

Мальчик опускает глаза.

— Но ты будешь и дальше присматривать за мной?

— Мой отец говорил, что я не смог бы присмотреть и за дохлой курицей.

— Ты поэтому не захотел быть мясником?

Сань покачал головой:

— Нет. Я мечтал открыть свой ресторан.

Мальчик отводит взгляд.

— Они опасные? — спрашивает он.

Сань поворачивается лицом к городу. После дней, проведенных у койки Ци в трюме, он совершенно перестал понимать, где они находятся. Он только вяло отметил, что чем дальше они уплывали, тем свободнее им дозволялось передвигаться по «Маньчжурии»: теперь было слишком поздно пытаться сбежать.

Солнце старается пробиться сквозь пелену облаков, и Саня внезапно поражает мысль, что город перед ними может быть каким угодно. Возможно, он построен из песка, или пуст, или населен каннибалами или трехголовыми огнедышащими чудовищами с чешуей прочной и твердой, словно щит.

— Самое опасное в мире — не знать себя, — говорит Сань и чувствует, как маленькая рука ложится в его. Он успокаивающе поглаживает большим пальцем тыльную сторону кисти мальчика.

— Ты когда-нибудь ловил черепах?

— Нет, — отвечает мальчик. — А как их ловят?

— Руками. Но нужно схватить черепаху в нужный момент.

— А как узнать когда?

— Тогда, когда она забудет, что она черепаха.

Сань думает об освященных гробах в трюме, которые они взяли с собой на случай, если кто-то из китайцев умрет в дороге.

В контракте написано, что страна называется «Копенгаген».

Написано, что «никого не будут пытаться или каким-либо образом мучить».

Написано, что все китайцы вернутся домой «в целости».

Саню не хотелось думать о доме, но теперь, когда они приближаются к месту назначения, мысли выходят из-под контроля. Ему исполнилось девятнадцать всего месяц назад, но